

**В.Е.Габышев, Г.А.Нелаева,
Н.В.Сидорова, Е.А.Хабарова**

Расследование гендерно- обусловленного насилия в рамках правосудия переходного периода: опыт Бразилии

Понятие «правосудие переходного периода» обычно применяется в контексте постконфликтного урегулирования или в процессе перехода государства от авторитарного режима к демократическому. Существует целый ряд механизмов как правового, так и политического характера, применяемых в ходе осуществления данного вида правосудия. В данной статье рассмотрена деятельность Комиссии по установлению истины, созданной в Бразилии в 2011 г. В ходе постконфликтных судебных и внесудебных процессов гендерно-обусловленное насилие зачастую остается незамеченным. Комиссии по установлению истины являются эффективным механизмом рассмотрения преступлений подобного рода, так как отсутствие формальной процедуры позволяет более гибко реагировать на возникающие вызовы и учитывать интересы потерпевших и свидетелей.

Ключевые слова: правосудие переходного периода, комиссии по установлению истины, гендерно-обусловленное насилие, примирение.

DOI: 10.31857/S0044748X0005578-4

Статья поступила в редакцию 25.02.2019.

Владимир Евгеньевич Габышев — старший преподаватель кафедры новой истории и мировой политики Института социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (ТюмГУ) (wgabishev@mail.ru); **Галина Александровна Нелаева** — кандидат политических наук, профессор кафедры новой истории и мировой политики Института социально-гуманитарных наук, ТюмГУ (g.a.nelaeva@utmn.ru); **Наталья Вячеславовна Сидорова** — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института государства и права, ТюмГУ (n.v.sidorova@utmn.ru); **Елена Анатольевна Хабарова** — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института государства и права, ТюмГУ (e.a.khabarova@utmn.ru) (ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», Россия, 625003 Тюменская область, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6).

Появление термина «правосудие переходного периода» (встречаются также варианты «правосудие в переходный период» и «переходное правосудие») обычно связывают с периодом, наступившим после Второй мировой войны, когда в странах Европы возникла необходимость поиска и наказания нацистских преступников, их сообщников и коллаборационистов. Помимо международного Нюрнбергского процесса было проведено множество внутренних судебных процессов, в ходе которых перед судом, наконец, предстали преступники, скрывавшиеся многие годы [1, сс. 9—26].

Наказания по итогам судебных процессов в европейских странах часто сопровождались другими мерами, среди которых — люстрация, предусматривавшая запрет занимать определенные должности лицам с нацистским прошлым [2, сс. 51—78]. Данный период немецкий политолог Астрид Ботман относит к «первой фазе» развития механизмов правосудия переходного периода [3, сс. 3—4]. Вторая фаза начинается в период демократических преобразований в Европе и в странах Латинской Америки и, согласно терминологии американского политолога Самюэля Хантингтона, совпадает с «третьей волной» демократизации. В тот период характерным было создание так называемых комиссий по установлению истины («комиссий по восстановлению истины и примирению») в качестве временных органов, расследовавших массовые нарушения прав человека. Бóльшая часть подобных комиссий была создана в странах Африки и Латинской Америки. Более 30 стран мира обращались к этому механизму установления истины [4]. Из наиболее известных — и, как считается в литературе, наиболее успешных — можно выделить Комиссию по установлению истины и примирению (Truth and Reconciliation Commission, TRC) в Южной Африке, занимавшуюся расследованием преступлений в период апартеида, чья деятельность получила широкое освещение в СМИ, массовой культуре, научной и научно-популярной литературе, а также аргентинскую Национальную комиссию по делу о массовом исчезновении людей (Comisión Nacional sobre la Desaparición de Personas, CONADEP).

Позже термин «правосудие переходного периода» появляется в аналитических докладах стран и международных организаций и подразумевает целый ряд различных инициатив, включающих люстрацию, компенсации потерпевшим, обнародование секретных материалов, публичное обсуждение преступлений, публичные извинения, реституцию собственности и т.д. Следует сказать, что в международном праве не существует единого списка мер, обязательных к применению в период постконфликтного урегулирования (за исключением уголовного преследования). Таким образом формы, которые принимает правосудие переходного периода, зачастую существенно разнятся и зависят от конкретных условий. Например, в условиях мирной смены режима и демократизации возникают вопросы, отличные от особенностей постконфликтного урегулирования, когда страна пытается преодолеть последствия гражданской войны. Разными являются и вызовы, с которыми сталкиваются страны [5, сс. 5—8]. Один из наиболее спорных вопросов в литературе по правосудию переходного периода связан с применимостью судебного преследования при наличии более гибких механизмов, которые характерны для комиссий по установлению истины [6, сс. 1035—1066]. В известном исследовании американской правозащитни-

цы Присциллы Хайнер приводится определение, позволяющее разграничить комиссии по установлению истины и другие следственные комиссии. Согласно ее определению, целями комиссий являются расследование деяний, совершенных на протяжении какого-то определенного периода времени в прошлом, а не происходящих в настоящее время; прямые контакты с населением, сбор информации и показаний. Комиссии создаются временно и предоставляют отчет о проделанной работе, а также получают официальные полномочия от государства [7, сс. 11—12].

Как подчеркивает норвежский политолог Элин Скаар, несмотря на разнообразие задач, прописанных в мандатах комиссий, их конечная цель всегда одна — примирение [8, сс. 401—421]. Часто в конце работы комиссии наряду со статистическими данными и изложением видения расследуемых событий включают в отчет рекомендации для государства.

ГЕНДЕРНО-ОБУСЛОВЛЕННОЕ НАСИЛИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСУДИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Проблема гендерно-обусловленного насилия в ходе осуществления правосудия переходного периода в основном рассматривается в связи с созданием и деятельностью международных уголовных трибуналов. Огромное количество исследований посвящено Международному трибуналу по бывшей Югославии (МТБЮ) и Международному трибуналу по Руанде (МТР), которые впервые рассматривали изнасилования и другие насильственные действия сексуального характера как международные преступления (пытки, геноцид, преступления против человечности и др.) [9, сс. 1007—1018]. Учитывая в целом позитивные оценки деятельности этих трибуналов в области уголовного преследования за совершение преступлений сексуального характера, нельзя не отметить тот факт, что и количество обвинительных заключений, и количество приговоров в этой области в действительности невелико. Так, в МТБЮ обвинение в изнасилованиях и иных действиях сексуального характера было выдвинуто в отношении 78 подозреваемых из 161, однако в итоге осудили лишь 32 человека [10]. Это связано с тем, что собрать и использовать доказательства (показания жертв и свидетелей, фотографии, видеозаписи и т.п.) преступления, совершенного много лет назад, весьма непросто. Вместе с тем, как показывает практика рассмотрения дел об изнасилованиях в устойчивых правовых системах, важнейшую роль в расследованиях сексуального посягательства играют вещественные доказательства, медицинские освидетельствования (результаты медицинских осмотров жертв), заключения экспертов. При этом ценностные установки правосудия переходного периода не могут далеко отстоять от признаваемых мировым сообществом принципов правосудия, иначе смысл трансферта демократических ценностей на постконфликтные территории (страны) практически утрачивается, а это означает, что рассмотрение дел о массовых изнасилованиях (или иных преступлениях сексуального характера) должно основываться на принципах состязательности, открытости, презумпции невиновности, а также на праве задавать вопросы свидетелям обвинения и пр. В патриархальных, чрезмерно религиозных, скованных условностями и ограничениями обществах даже минимальный набор пригодных для использования доказательств еще более урезает-

ся: женщины, подвергшиеся сексуальному насилию, не готовы давать показания, ибо общество не всегда благожелательно настроено по отношению к жертвам. В таких условиях получение показаний от жертв давних преступлений — пусть и в ходе частично закрытых заседаний комиссий и переходных судов — влечет за собой повторные психологические травмы потерпевших. Если же процесс построен на классической англосаксонской модели судопроизводства, где важную роль в процессе выстраивания доказательной базы вины играет перекрестный допрос, то ситуация с точки зрения ретравматизации жертв еще более усугубляется. С другой стороны, демократические ценности правосудия (в любой его модели, включая переходную) не предполагают осуждения без разбирательства, если обвиняемый не признал своей вины.

Таким образом, комиссии по установлению истины, в которых формальная процедура, отличающая уголовное разбирательство в суде, отсутствует, могут быть в большей степени приемлемыми институтами рассмотрения подобных преступлений, если их целью не является только наказание. Потерпевшие и свидетели не ограничены правилами, регулирующими допустимость доказательств. Право на защиту обвиняемого не абсолютизируется, как это иногда происходит в классическом состязательном уголовном процессе, когда даже небольшое нарушение законной процедуры влечет за собой исключение «опороченной» таким образом информации.

Члены комиссии не самоустраиваются от поиска истины, ибо как раз истина, а не разрешение уголовного спора, и является их целью. Важно понимать, что деятельность таких комиссий не является проявлением правосудия в традиционном юридическом смысле. Комиссии — не судебные органы, а результаты их деятельности имеют в первую очередь значение для восстановления общественной справедливости и формирования (восстановления) общечеловеческих ценностей в условиях ситуации постконфликта.

Сексуальное насилие может принимать различные формы, не ограничиваясь тем перечнем преступлений, который содержится в уголовном законе той или иной страны. Как показывают исследования сексуального насилия в Уганде, кроме изнасилований, частым явлением были преступления, направленные на репродуктивную функцию женщин, например, принудительная беременность или принудительный аборт [11, сс. 71—93]. При отсутствии запрета в уголовном законе такие деяния можно рассмотреть лишь в рамках комиссий по установлению истины (или каком-то другом внесудебном процессе).

Как подчеркивают исследователи, недостаточно лишь установить факт совершения преступлений, необходим целый ряд мер, направленных на преодоление гендерного неравенства и более глубоких социальных, экономических и политических причин уязвимости жертвы или ее исключенности из общества [11, с. 88]. При отсутствии образовательных программ и программ профессиональной подготовки, позволяющих получить знания и найти работу, женщины не могут вырваться из замкнутого круга бедности, зависимости и насилия. Более того, в случаях, когда невозможно обеспечить переселение жертв в другие регионы, они продолжают жить в одной местности со своими насильниками, что может привести к запугиванию пострадавших и свидетелей, если они решатся выступить с показаниями (как это было в Руанде) [12]. Таким образом, судебные разбирательства и слушания в комиссиях по установлению истины должны сопровождаться

комплексными мерами (правовыми реформами, образовательными программами, программами по предоставлению жилья). В контексте постконфликтного урегулирования очень важным аспектом является создание действующих государственных институтов и институтов гражданского общества. Гендерное измерение должно приниматься во внимание, чтобы изменить укоренившееся неравенство и преодолеть дискриминационные практики.

Несмотря на острую проблему ретравматизации потерпевших (тем более, если отсутствует возможность закрытых заседаний), нельзя предполагать, что потерпевшие не будут выступать в ходе слушаний. Как показывают исследования, решение давать показания зависит от конкретного человека. Должны быть созданы условия, при которых потерпевшие и свидетели будут готовы рассказать о случившемся. В этой связи мы можем согласиться с мнением научного директора Международного института социологии права (Испания) Адама Чарноты, который считает, что самые успешные процессы в рамках переходного правосудия были показательными, «так или иначе срежиссированными». Переходное правосудие, таким образом, должно быть не только эффективным, но и эффектным: оно требует обнародования страданий жертв, публичных выступлений на процессах и открытого оглашения решений [13, с. 206].

Является ошибочным и представление женщин в конфликтах в качестве жертв преступлений, а мужчин — в качестве преступников. В современных конфликтах женщины играют множество ролей: они могут быть как комбатантами, так и преступниками (в том числе, совершать преступления сексуального характера) [14, сс. 383—415]. Как подчеркивает британский юрист Сюзанна Линтон, сотни женщин выступали в качестве обвиняемых после Второй мировой войны; 96 тыс. женщин судили в традиционных судах в Руанде (судах «Гакака»); порядка 30—40% комбатантов в ходе гражданских войн в Либерии 1989—1996 и 1999—2003 гг. были женщинами; в 25% групповых изнасилований, совершенных в ходе конфликта в Сьерра-Леоне 1991—2002 гг., женщины выступали в качестве преступников [15, сс. 159—226]. Мужчины — жертвы гендерно-обусловленного насилия испытывают массу психологических, физиологических и социальных проблем [16]. Более того, при создании механизмов реабилитации и примирения должны учитываться не только пол потерпевшего, но и цвет его кожи, социальный статус и другие аспекты.

БРАЗИЛЬСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ КОМИССИЯ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ИСТИНЫ И ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНО-ОБУСЛОВЛЕННОГО НАСИЛИЯ

Созданная в 2011 г. в Бразилии Национальная комиссия по установлению истины (Comissão Nacional da Verdade, CNV) была во многих отношениях уникальна. Во-первых, в предметную юрисдикцию комиссии входило расследование преступлений 30-летней давности, совершенных в период военной диктатуры 1964—1985 г. Во-вторых, официально признанное количество жертв — 434 человека — было относительно небольшим по сравнению с другими латиноамериканскими странами: в Аргентине — от 8 тыс. до 30 тыс. человек, в Чили — от 3216 до 9 тыс. человек) [17, сс. 194—215]. Создание Комиссии было поддержано международными неправительственными организациями и имело большой резонанс в бразиль-

ском обществе [18]. До 2011 г. в Бразилии работали две другие комиссии, занимавшиеся расследованием нарушений прав человека: Специальная комиссия по политическим смертям и исчезновениям (Comissão Especial de Mortos e Desaparecidos Políticos, CEMDP) с декабря 1995 г. и Комиссия по амнистии (Comissão de Anistia, CA) с 2001 г., были обнародованы исследования «Бразилия: больше никогда», проведенное под руководством архиепископа кардинала Пауло Эваристо Арнса) и содержащее информацию о судьбах более 7 тыс. заключенных [19], и «Отчет семей погибших и пропавших без вести» [20]. До создания CNV в Бразилии также существовали различные программы компенсации, и к середине 2010-х годов были одобрены около 12 тыс. заявлений на получение компенсации [21, с. 24].

Несмотря на то, что некоторые положения Закона об амнистии 1979 г. стали предметом обсуждения в Межамериканском суде по правам человека, который признал их противоречащими Американской конвенции по правам человека, закон отменен не был [22]. Как отмечает американский исследователь Ребекка Атенцио, ситуацию конца 1970-х годов следует рассматривать в контексте холодной войны, когда правление военных основывалось в первую очередь на стремлении сдержать коммунизм. В тот период в стране наблюдался экономический подъем, связанный с реализацией мегапроектов, спонсируемых правительством, что в определенной степени отвлекало внимание населения от нарушений прав человека [23].

Комиссия состояла из высшего органа — коллегата, а также подкомитетов и рабочих групп, связанных с Гражданской палатой Президиума Республики, не имевших юрисдикционного или преследовательного характера. В коллегат вошли: бывший генеральный прокурор Клаудио Фонтелес; министр Верховного суда Гилсон Дипп; адвокат и бывший министр юстиции Хосе Карлос Диас (во время диктатуры работал в сфере защиты прав политических заключенных); юрист и бывший генеральный секретарь Министерства юстиции и советник ЮНЕСКО Хосе Пауло Кавальканти; психоаналитик Мария Рита Кель; политолог и бывший секретарь по правам человека Бразилии Пауло Сержиу Пиньейру; адвокат, бывший член Национального совета по уголовной политике, бывший заместитель министра юстиции штата Рио-де-Жанейро Роза Кардозу [24]. Из семи членов, изначально вошедших в орган, только пятеро оставались в должностях до завершения работы комиссии. В октябре 2012 г. Г.Дипп вышел на пенсию из-за проблем со здоровьем, Клаудио Фонтелес ушел в отставку в июне 2013 г. В сентябре того же года место Фонтелеса занял Педро Даллари, юрист и член совета директоров Центра изучения юстиции в Америке.

В 13 рабочих групп, созданных Комиссией, входили советники, государственные служащие, технические и административные помощники, стажеры, консультанты, а также волонтеры. В общей сложности в разное время в работе Комиссии были задействованы более 217 человек. Комиссия стремилась создать сеть активной поддержки, состоящую из университетов и других учреждений, которые предоставили доступ к большому количеству документов и свидетельств [24]. В результате такие партнерские организации обеспечили разветвленное представительство комиссии на всей территории страны. Комиссия рассматривала только случаи нарушения прав человека государством и не занима-

лась расследованием преступлений, совершенных леворадикальными движениями, за что ее, впрочем, нередко критиковали [25].

Работа Комиссии заняла два года и семь месяцев, окончательный отчет вышел в 2014 г. Были установлены многочисленные случаи применения пыток, изнасилований, убийств, исчезновения людей. На церемонии обнародования отчета президент Бразилии Дилма Руссефф (2011—2016) не смогла сдержать слез, произнося слова о том, что «демонам прошлого больше не спрятаться в тени молчания и попустительства» [26]. Руссефф и сама была жертвой пыток, когда была арестована в юности за членство в леворадикальной оппозиционной организации Команда национального освобождения (Comando de Libertação Nacional, CLN). Отчет был раскрыт представителями бывшего режима, которые заявляли, что их действия были необходимы, чтобы сдержать распространение коммунистических идей [26]. Комиссия возложила ответственность за нарушения прав человека в период военного правления на 377 человек, 100 из которых еще были живы. Однако из-за закона 1979 г., даровавшего амнистию, предпринять какие-либо меры в отношении этих лиц не удалось. Более того, в 2010 г. на основании решения Верховного суда Бразилии был отклонен запрос о возможности изменения закона об амнистии [27].

Что касается гендерно-обусловленного насилия, то следует отметить, что группа CNV «Диктатура и гендерные преступления» занималась исследованием последствий репрессий и пыток в отношении мужчин и женщин. Подготовленные отчеты зафиксировали трагический опыт жертв. Были установлены вопиющие по своей жестокости факты сексуальных издевательств и унижений как над женщинами, так и над мужчинами, а также случаи тюремного заключения детей с целью оказать психологическое давление на родителей [27]. В главе 10 первого тома окончательного отчета перечислены формы насилия: изнасилования, в том числе групповые, нанесение увечий, пытки, избивание беременных женщин с целью вызвать выкидыш [28]. Среди жертв преступлений были не только политические активисты, но и монахини, представители ЛГБТ-сообщества [29]. Практически все задержания имели политическую окраску и совершались за свободное волеизъявление, участие в демонстрациях, открытое несогласие с режимом. Гендерно-обусловленные преступления, в свою очередь, воспринимались многими пострадавшими не как элемент террора со стороны государства, а как преступления частного характера [30, с. 130]. Многие пострадавшие от сексуального насилия в период диктатуры считали, что им вообще повезло, так как они остались живы, в то время как многие другие были убиты, надолго остались в тюрьме или же пропали без вести [24].

Сильный общественный резонанс вызвало общественное слушание рабочей группы в г. Сан-Паулу в марте 2013 г. Общественность Бразилии была расколота. Одна часть горячо поддерживала деятельность CNV по вопросу гендерных преступлений и призывала всех женщин, пострадавших во время диктатуры от сексуального насилия, принять участие в процессе. В качестве примера можно привести дело Марии Амелии де Алмейды Телес, которую подвергали пыткам и издевательствам с целью получить показания против ее мужа. По ее словам, во многих случаях женщины автоматически воспринимались как сообщницы мужей или сыновей и рассмат-

ривались военными как средство достижения желаемых результатов, в частности, для получения обвинительных показаний [31]. Другая часть общественности призывала осторожно подходить к расследованиям преступлений сексуального характера. Этой позиции, в частности, придерживались психологи. По словам психотерапевта Анны Луизы Кастру, работа с пострадавшими должна быть деликатной и долговременной [32]. В качестве примера можно привести дело Иеды Акселруд де Сейшас, ставшей жертвой репрессий в г. Рио-де-Жанейро в 1971 г. Во время слушаний она обратила внимание на то, что по прошествии многих лет не воспринимала себя как жертву политических репрессий, так как она не была заключена под стражу, ей не было предъявлено обвинение, против нее не применялись пытки на электрическом стуле, как во многих других случаях. Однако после участия в работе Комиссии женщине понадобилась психотерапевтическая помощь [33].

Помимо установления непосредственного факта пыток, было важно учитывать и такие последствия репрессий на жизнь потерпевших, как одиночество, психологические проблемы, безработица, физические травмы, воспитание детей в неполной семье в случае заключения в тюрьму, убийства или исчезновения отца.

В период диктатуры такие правозащитные организации, как Бразильское женское общество (Sociedade Brasil Mulher, SBM) (с 1972 г.), Центр бразильских женщин (Centro da Mulher Brasileira, CMB) (с 1975 г.), Женское движение за амнистию (Movimento Femenino pela Anistia, MFA) (с 1975 г.) стремились показать, что гендерно-обусловленное насилие не является частным случаем, а представляет собой часть большой социальной проблемы, связанной с неравным положением женщин в бразильском обществе. Целью борьбы за права женщин в 1970—1980-е годы были искоренение насилия в любых его формах, доступ к контрацептивам, право на аборт и т.п. При этом стоит отметить, что влияние женских организаций на политику было весьма ограниченным — по сравнению, например, с Аргентиной: из-за жесткого централизованного характера военной диктатуры в Бразилии доступ женщинам в различные институты власти был закрыт [34].

Несмотря на то, что Комиссия с самого начала уделяла пристальное внимание гендерно-обусловленным преступлениям, общая численность рассмотренных преступлений подобного рода невелика. Более того, многим были непонятны результаты работы. В частности, член Партии трудящихся (Partido dos Trabalhadores, PT) Бразилии Нилмарио Миранда задается вопросом о том, какие меры будут приняты к 377 лицам, признанным по итогам расследования комиссии причастными к преступлениям времен диктатуры: будут ли они наказаны? [35] Известный бразильский историк Жозе Отавио Гимараис также ставит под сомнение целесообразность проведения подобных расследований, если в итоге никого нельзя привлечь к ответственности в свете действия закона об амнистии [36].

Оценить влияние Комиссии на устранение проблемы гендерно-обусловленного насилия непросто. Как подчеркивает бразильский историк Марианна Жофили, проблема сексуального насилия, остро стоявшая в период диктатуры, не потеряла актуальности и по сей день. Дискриминационные практики и стереотипы в сочетании с социальными и экономическими

проблемами усугубляют гендерное неравенство, осложняют решение проблемы на политическом и правовом уровнях. Впрочем, она подчеркивает то обстоятельство, что Комиссия смогла сделать проблему сексуального насилия и гендерные вопросы в целом предметом публичного обсуждения, что привело к развитию законодательства в данной области [37, сс. 1—14]. Как отмечает исследователь, Комиссия дала мощный толчок к развитию различных правозащитных движений в Бразилии, многие из которых возглавили женщины, подвергшиеся сексуальному насилию и пыткам во время диктатуры [37].

В целом, по мнению бразильского юриста Марсело Торелли, работу Комиссии можно оценить положительно: она смогла систематизировать информацию (хотя значительная часть этой информации уже была известна); назвала имена виновных, чего предыдущие комиссии не делали; рассмотрела такие важные политические дела, как гибель бывших президентов страны Жуселину Кубичека (1956—1961) и Жуана Гуларта (1961—1964) [38]; в целом подвергла сомнению правомерность режима военных [17, с. 215]. Впрочем, исследователь предупреждает о трудностях, которые могут возникнуть на пути выполнения рекомендаций Комиссии. Так, после импичмента Д.Руссефф в 2016 г. процесс замедлился, а создание специального независимого органа, который осуществлял бы надзор за исполнением, было отложено на неопределенный срок. Сегодня в ситуации, когда разочарование в идеалах демократии в Бразилии достигло пика [39], а по результатам выборов 2018 г. к власти пришел правый политик Жаир Болсонару (2018—н/в), известный своими дискриминационными взглядами на вопросы гендера и расы [40], встает вопрос: удастся ли Бразилии переосмыслить преступления, совершенные в период военного правления, и оказать необходимую помощь жертвам?

Правосудие переходного периода является динамично развивающимся явлением, поощряемым мировым сообществом и включающим в себя множество различных механизмов, среди которых к наиболее распространенным относятся комиссии по установлению истины. Одной из наиболее сложных предметных сфер, в которых работают комиссии, является гендерно-обусловленное насилие. В процессе рассмотрения подобного рода преступлений, как показывает опыт Бразилии, зачастую препятствием является укоренившаяся дискриминация в отношении женщин. Несмотря на то, что преступления, совершенные в ходе диктатуры, получили большую огласку в обществе, рассмотрение сексуального насилия стало возможным только после того, как к этому стали призывать различные женские правозащитные объединения.

Исходя из бразильского опыта, можно сделать вывод о том, что важнейшим фактором эффективности работы комиссии по установлению истины является ее поддержка общественными движениями. Отсутствие у комиссий карательных полномочий позволяет раскрыть и донести до общества такие пласты информации, которые никогда бы не были изучены и обнародованы в процессе обычного уголовного судопроизводства. В свою очередь в процессе выполнения рекомендаций комиссий ключевым условием является тесное взаимодействие государственных и общественных институтов.

Как показывает опыт лауреата Нобелевской премии мира 2018 г. иракской правозащитницы Надии Мурад [41], один из лучших инструментов в борьбе против насильственных гендерных преступлений — это гласность. Однако в условиях, когда активными участниками конфликтов являются наемники и другие негосударственные акторы, существующие механизмы переходного правосудия, сформировавшиеся с учетом традиционной государственно-центристской концепции международных отношений, становятся практически бесполезными. Общеизвестен тот факт, что международное гуманитарное право слабо регулирует конфликты внутригосударственного характера, а когда речь идет о преступлениях, совершенных членами формирований исламских фундаменталистов в Африке или на Ближнем Востоке, международное право оказывается бессильным.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Pendas D.O. *Der Auschwitz-Prozess*. Hamburg, Siedler Verlag, 2013.
2. Huyse L. Justice after Transition: On the Choices Successor Elites make in dealing with the Past. *Law & Social Inquiry*, 1995, № 20.
3. Bothmann A. *Transitional Justice in Nicaragua 1990—2012. Drawing a Line under the Past*, Springer VC, 2015.
4. Focus: Truth Commissions. International Center for Transitional Justice. Available at: <https://www.ictj.org/sites/default/files/ICTJ-Global-Truth-Commissions-2008-English.pdf> (accessed 12.02.2019).
5. Wouters N. (ed.). *Transitional Justice and Memory in Europe (1945—2013)*. Intersentia, 2014.
6. Schabas W.A. The Relationship between Truth Commissions and International Courts: The Case of Sierra Leone. *Human Rights Quarterly*, 2003, № 25.
7. Hayner P. *Unspeakable truths: transitional justice and the challenge of truth commissions*. 2nd edition. London, Routledge, 2010.
8. Skaar E. Transitional Justice for Human Rights: The Legacy and Future of Truth and Reconciliation Commissions. In: Oberleitner G. (ed.). *International Human Rights Institutions, Tribunals and Courts*, International Human Rights, Springer 2018.
9. Askin K.D. Gender Crimes Jurisprudence in the ICTR. Positive Developments. *Journal of International Criminal Justice*, 2005, № 3.
10. ICTY. In Numbers (as of September 2016). Available at: <http://www.icty.org/en/features/crimes-sexual-violence/in-numbers> (accessed 12.02.2019).
11. Lambourne W., Rodriguez Carreon V. Engendering Transitional Justice: a Transformative Approach to Building Peace and Attaining Human Rights for Women. *Human Rights Review*, 2016, № 17.
12. Survivors and post-genocide justice in Rwanda: their experiences, perspectives and hopes. *Redress & African Rights*. Redress, London, 2008. Available at: <https://reliefweb.int/report/rwanda/survivors-and-post-genocide-justice-rwanda-their-experiences-perspectives-and-hopes> (accessed 12.02.2019).
13. Чарнота А. Право, память и забвение. *Общество и право: исследовательские перспективы*. Санкт-Петербург, 2015 [Charnota A. Pravo, pamyat i zabvenie. [Right, Memory, and Oblivion]. *Society and Law: Research Perspectives*, St. Petersburg, 2015.
14. Cohen D. Female Combatants and the Perpetration of Violence: Wartime Rape in the Sierra Leone Civil War. *World Politics*, 2013, № 65 (3).
15. Linton S. Women Accused of International Crimes: a Transdisciplinary Inquiry and Methodology. *Criminal Law Forum*, 2016, № 27.
16. Prosecutor v. Ranko Cesic, “Brcko”, Case No. IT-95-10/1-S; Prosecutor v. Blagoje Simic et al., “Bosanski Samac”, Case No. IT-95-9-T.
17. Torelly M. Assessing a Late Truth Commission: Challenges and Achievements of the Brazilian National Truth Commission. *International Journal of Transitional Justice*. N 12 (2).

18. Brazil: Prosecute Dictatorship-Era Abuses. Landmark International Decision Provides Powerful Push for Accountability. *Human Rights Watch*. 14.IV.2009. Available at: <https://www.hrw.org/news/2009/04/14/brazil-prosecute-dictatorship-era-abuses> (accessed 12.02.2019).
19. "Brasil: Nunca Mais". Available at: <http://bnmdigital.mpf.mp.br/en-us> (accessed 12.02.2019).
20. A Comissão dos Familiares de Mortos e Desaparecidos Políticos. Available at: http://www.desaparecidospoliticos.org.br/quem_somos_comissao.php?m=2 (accessed 12.02.2019).
21. Comparative Country Studies Regarding Truth, Justice, and Reparations for Gross Human Rights Violations. Brazil, Chile, and Guatemala. *International Human Rights Clinic Working Paper Series No. 2*. 2014. Available at: <https://www.law.berkeley.edu/wp-content/uploads/2015/04/Working-Paper-2-India-Comparative-Country-Studies-151027.pdf> (accessed 12.02.2019).
22. Case of Gomes Lund et al. ("Guerrilha Do Araguaia" v. Brazil), 24.XI.2010. Available at: http://corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_219_ing.pdf (accessed 12.02.2019).
23. Brazilian Truth Commission: Rebecca Atencios Interview on BBC Live 5. Tulane University. Available at: <https://stonecenter.tulane.edu/articles/detail/1739/Brazilian-Truth-Commission-Rebecca-Atencios-Interview-on-BBC-Live-5> (accessed 13.02.2019).
24. Comissão Nacional da Verdade. Relatório final. Available at: <http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/index.php/outros-destaques/574-conheca-e-acesse-o-relatorio-final-da-cnv> (accessed 12.02.2019).
25. Coelho Filho P. Truth Commission in Brazil: Individualizing Amnesty, Revealing the Truth. *The Yale Review of International Studies*, 2012. Available: <http://yris.yira.org/essays/440> (accessed 10.02.2019).
26. Watts J. Brazil president weeps as she unveils report on military dictatorships abuses. *The Guardian*. 10.XII.2014. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2014/dec/10/brazil-president-weeps-report-military-dictatorship-abuses> (accessed 12.02.2019).
27. Taylor A. Brazil's torture report brings a president to tears. *The Washington Post*. 10.XII.2014. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/12/10/brazils-torture-report-brings-a-president-to-tears/?noredirect=on&utm_term=.59bc55839d00 (accessed 12.02.2019).
28. Capítulo 10. Violência sexual, violência de gênero e violência contra crianças e adolescentes. Available at: <http://cnv.memoriasreveladas.gov.br/images/documentos/Capitulo10/Capitulo%2010.pdf> (accessed 10.02.2019).
29. Maria Amélia de Almeida Teles. Violações dos direitos humanos das mulheres na ditadura. *Revista Estudos Feministas*, 2015, № 23 (3). Available at: http://www.scielo.br/scielo.php?pid=S0104-026X2015000301001&script=sci_abstract&tlng=pt (accessed 12.02.2019).
30. Rangel Joffil O. A esperança equilibrada. Resistência feminina à ditadura militar no Brasil. Florianópolis, Insular, 2016.
31. Audiência Verdade e Gênero: Depoimento de Maria Amélia de Almeida Teles. Comissão Nacional da Verdade. 24.IV.2019. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=BNob8Kc3xwQ> (accessed 04.12.2019).
32. Depoimentos de psicólogos afetados pela ditadura serão entregues à Comissão da Verdade. 01.X.2013. Available at: <http://memorialdh.sites.ufsc.br/depoimentos-psicologos-afetados-ditadura-serao-entregues-comissao> (accessed 12.02.2019).
33. As vozes das mulheres torturadas na ditadura. 20.III.2013. Available at: <https://www.revistaforum.com.br/as-vozes-das-mulheres-torturadas-na-ditadura> (accessed 12.02.2019).
34. Araújo Pereira F., Santos Paulo L. As violências sexuais e de gênero e a justiça de transição no Brasil e na Argentina: uma análise comparativa dos movimentos de mulheres em cada país. *L'Ordinaire des Amériques*, 20.VI.2017. Available at: <http://journals.open-edition.org/orda/3478> (accessed 12.02.2019).
35. Salomão L. Comissão da Verdade responsabiliza 377 por crimes durante a ditadura. G1. 10.XII.2014. Available at: <http://g1.globo.com/politica/noticia/2014/12/comissao-da-verdade-responsabiliza-377-por-crimes-durante-ditadura.html> (accessed 12.02.2019).
36. Quais os resultados da Comissão Nacional da Verdade? *Expressão Nacional*. 23.XII.2014. Available at: <http://www2.camara.leg.br/camaranoticias/tv/materias/EXPRESSAO-NACIO>

NAL/479776-QUAIS-OS-RESULTADOS-DA-COMISSAO-NACIONAL-DA-VERDADE.html (accessed 13.02.2019).

37. Joffily M. Violencias sexuales en las dictaduras de América Latina: ¿Quién quiere saber. *Revista Internacional de Derechos Humanos*, 12.XII.2016.

38. Brazilian ex-president was “killed by military conspiracy”. BBC, 12.XII.2013. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-25310965> (accessed 10.02.2019).

39. Latin Americans are dejected about democracy. *The Economist*, 08.XI.2018. Available at: <https://www.economist.com/the-americas/2018/11/08/latin-americans-are-dejected-about-democracy> (accessed 10.02.2019).

40. Londoño E., Darlington S. Jair Bolsonaro Wins Brazil’s Presidency, in a Shift to the Far Right. *The New York Times*, 28.X.2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/10/28/world/americas/jair-bolsonaro-brazil-election.html> (accessed 10.02.2019).

41. Murad N. *The Last Girl: My Story of Captivity, and My Fight against the Islamic State*. Tim Duggan Books, 2017.

Vladimir E. Gabyshev (wgabyshev@mail.ru)

Senior Lecturer, Department of Modern History and World Politics, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen

Galina A. Nelaeva (g.a.nelaeva@utmn.ru)

PhD (Political Science), Professor, Department of Modern History and World Politics, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen

Natalia V. Sidorova (n.v.sidorova@utmn.ru)

SJD (Candidate of Juridical Sciences), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Institute of State and Law, University of Tyumen

Elena A. Khabarova (e.a.khabarova@utmn.ru)

SJD (Candidate of Juridical Sciences), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Institute of State and Law, University of Tyumen

University of Tyumen, Volodarskogo Str. 6, 625003 Tyumen Region, Tyumen, Russian Federation

Investigating gender-based violence in transitional justice context: the case of Brazil

Abstract. The concept “transitional justice” is usually applied in the context of post-conflict resolution or transition from authoritarian regime to democracy. There is a whole range of various judicial and non-judicial mechanisms that are applied in the process of transitional justice that may include lustration, public apology, restitution of property, as well as formal judicial processes. Among the instruments of transitional justice are truth commissions (truth and reconciliation commissions). This article examines the activities of Brazilian National Truth Commission (2011) with a view to examine the gender dimension of its work. It is no secret that gender-based violence in the post-conflict settings often remains an overlooked phenomenon. We consider truth commissions more suitable venues than criminal trials for the examination of such offenses since the lack of formal procedure enables more flexible approach and gives an opportunity to take into account the interests of victims and witnesses.

Key words: transitional justice, truth and reconciliation commissions, gender-based violence, reconciliation.

DOI: 10.31857/S0044748X0005578-4

Received 25.02.2019.